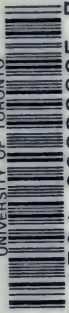

UNIVERSITY OF TORONTO

3 1761 00322865 7

Brûsov, Valerii Īkovlevich
Me eum esse

PG

3453

B7M4

UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY

WILLIAM H. DONNER
COLLECTION

*purchased from
a gift by*

THE DONNER CANADIAN
FOUNDATION

Валерій Брюсовъ.

ME EUM ESSE

НОВАЯ КНИГА СТИХОВЪ

МОСКВА

Товарищество типографии А. П. Мамонтова
Леонтьевскій переулокъ, д. Мамонтова.

1897

very scarce

300.-

Валерій Брюсовъ. 422/1383

ME EUM ESSE

НОВАЯ КНИГА СТИХОВЪ

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА
Леонтьевскій переулокъ, д. Мамонтова.

1897

Дозволено цензурою. Москва 27 сентября 1896 года.

Ex libris.

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

Сборники стихотворений.

Juvenilia (1893—1894) (печатается).

Chefs d'oeuvre (1894—1895) 2-ое
издание Ц. 60 коп.

Meum esse (1896) Ц. 60 коп.

Corona (предполагается).

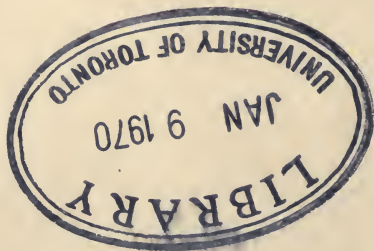
ПРЕДИСЛОВІЕ

къ *Me eum esse.*

PG

3453

B7M4

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я издаю книгу далеко незаконченную, въ которой нѣкоторые отдѣлы только намѣчены,—потому что не знаю, когда буду въ состояніи продолжать ее: можетъ быть завтра, можетъ быть черезъ много лѣтъ. Мнѣ кажется однако, что въ отрывкахъ, уже написанныхъ, достаточно ясно выступаетъ характеръ моей новой поэзіи. Если мнѣ и не суждено будетъ продолжать начатое, эти намеки подскажутъ остальное будущему другу. Привѣтствую его.

Валерій Брюсовъ.

23 іюля 1896 года.
Пятигорскъ.

ЗАВѢТЫ

Красота и смерть неизмѣнно одно.

ЮНОМУ ПОЭТУ.

Юноша блѣдный со взоромъ горящимъ,—
Нынѣ даю я тебѣ три завѣта!
Первый изъ нихъ: не живи настоящимъ,
Только грядущее — область поэта.

Дальше второй: не люби, не сочувствуй,
Самъ лишь себя обожай безпредѣльно.
Третій завѣтъ: поклоняйся искусству,
Только ему — безраздумно, безцѣльно.

Юноша блѣдный со взоромъ смущеннымъ,
Если ты примешь мои три завѣта,
Гордо умру я бойцомъ побѣжденнымъ,
Зная, что въ мірѣ оставлю поэта.

Какъ царство бѣлаго снѣга,
Моя душа холодна.
Какая странная нѣга
Въ мѣрѣ холоднаго сна!—
Какъ царство бѣлаго снѣга,
Моя душа холодна.

Проходятъ блѣдныя тѣни,
Подобны чарамъ волхва,
Звучать и клятвы и пѣни,
Любви и побѣды слова...
Проходятъ блѣдныя тѣни,
Подобныя чарамъ волхва.

А я всегда, неизмѣнно
Молюсь неземной красотѣ;
Я чуждъ тревогамъ вселенной.
Отдавшись холодной мечтѣ;
Отдавшись мечтѣ,—неизмѣнно
Я молюсь неземной красотѣ.

Я дѣйствительности нашей не вижу,
Я не знаю нашего вѣка,
Родину я ненавижу,—
Я люблю идеаль челоуѣка.

И въ пространствѣ звенящія строки
Уплываютъ въ даль и къ былому;
Эти строки отъ жизни далеки,
Этихъ грезъ не повѣрю другому.

Но когда настанутъ мгновенья,
Придутъ существа инныя.
И для нихъ мои откровенья
Прозвучатъ какъ пѣсни родныя.

...И покинувъ людей я ушелъ въ тишину,
Какъ мечта одинокъ, я мечтою живу,
Позабывъ обаянья безцѣльныхъ надеждъ,
Я смотрю на мерцанье сочувственныхъ звѣздъ.

Есть великое счастье — познавъ, угаить;
Одному любоваться на грезы свои;
Безотвѣтно твердить откровеніи слова,
И въ пустынь слѣдить, какъ восходитъ звѣзда.

Вѣтви склонялись въ мое окно,
Подъ вѣтромъ гнулись, тянулись въ окно,
И занавѣска, дрожа, томясь,
На бѣлой лентѣ ко мнѣ рвалась;
Но я смотрѣлъ въ окно мимо нихъ,
Мой взоръ погасалъ въ небесахъ голубыхъ.

— Тамъ, гдѣ движенья и злобы нѣтъ,
Тамъ вѣчно свѣтитъ желанный свѣтъ,
О чемъ мы бредимъ во снѣ, сквозь сонъ,
Тѣмъ воздухъ міра всегда напоенъ;
Красота и смерть неизмѣнно одно...
А вѣтви гнутся и рвутся въ окно.

ПО ПОВОДУ CHEFS D'OEUVRE.

Ты приняла мою книгу съ улыбкой,
Бѣдную книгу мою...
Вѣрь мнѣ: давно я считаю ошибкой
Бѣдную книгу мою.

Нѣтъ! не читай этихъ вымысловъ дикихъ,
Яркихъ и странныхъ картинъ!
Тайну ихъ образовъ, смутно великихъ,
Я понимаю одинъ.

О, этотъ ропоть больныхъ искушеній,
Хохоть и стоны менадъ!
То — къ неземному земныя ступени,
Взглядъ — до разлуки — назадъ

Нѣтъ! не читай этихъ вымысловъ дикихъ,
Брось—эту книгу мою:
Тайну страницъ ея, вѣчно великихъ,
Я отъ людей утаю.

У Т Р О.

Не плачь и не думай:
Прошедшаго — нѣтъ!
Привѣтственнымъ шумомъ
Врывается свѣтъ.

Уснувши, ты умерь
И утромъ воскресь,—
Смотри же безъ думы
На дали небесъ.

Что вѣчно,— желанно,
Что горько,— умреть...
Иди неустанно
Впередъ и впередь.

ОТРЕЧЕНЬЕ.

Какъ долго о прошломъ я плакалъ,
Какъ страстно грядущаго ждалъ,
И Голосъ — угрюмый оракулъ —
„Довольно!“ сегодня сказалъ.

„Довольно! надежды и чувства
„Отнынѣ былымъ назови,
„Привѣтствуй лишь грезы искусства,
„Ищи только вѣчной любви.

„Ты счастиемъ назвалъ волненье,
„Молилъ у страданій вѣнца,
„Но вотъ онъ, твой путь,—отреченье
„И знай: этотъ путь—безъ конца!“

ВИДѢНІЯ.

...Строгія строфы скользятъ невозвратно,
Скользятъ и не дышатъ—и вѣчно живутъ.

ВЕСНА.

Бѣлая роза дышала на тонкомъ стеблѣ.
Дѣвушка вензель чертила на зимнемъ стеклѣ.

Дѣвушка долго и долго ждала у окна.
Гдѣ то за моремъ тогда расцвѣтала весна.

Вечеръ насталъ и земля отуманилась сномъ.
Дѣвушка плакала ночью въ тиши,—но о комъ?

Бѣлая роза увяла безъ слезъ въ эту ночь.
Голуби утромъ мелькнули—и скрылися прочь.

Съ опущеннымъ взоромъ, въ пелериночкѣ бѣлой,
Она мимо насъ мелькнула несмѣло.
Съ опущеннымъ взоромъ, въ пелериночкѣ бѣлой.

Это было на улицѣ, сѣрой и пыльной,
Гдѣ деревья бульвара торчали безсилно,
Это было на улицѣ сѣрой и пыльной.

И только небо—всегда голубое—
Дышало поэзіей въ строгомъ покоѣ,
Одно лишь небо, всегда голубое!

Мы стояли съ тобой молчаливо и смутно...
Волновалася улица жизнью минутной,
Мы стояли съ тобой молчаливо и смутно.

МГНОВЕНІЕ.

Одинъ ея взглядъ выше тысячи звѣздъ!
Небесный, алмазный, сверкающій крестъ,
Одинъ ея взглядъ выше тысячи звѣздъ!

Я встрѣтилъ на мигъ лишь одинъ ея взглядъ,
Алмазныя капли такъ ярко горять...
Я встрѣтилъ на мигъ одинъ ея взглядъ.

О, что за вопросы видѣлись въ немъ!
Я смутно померкъ въ вѣнцѣ золотомъ—
О, что за вопросы видѣлись въ немъ.

Умрите, умрите, слова и мечты,—
Земное всеильно въ лучахъ красоты,
Умрите, умрите, слова и мечты!

Она была въ траурѣ съ длинной вуалью;
На небѣ горѣли въ огнѣ облака.

Черты ея смутно дышали печалью;
Небесныя тайны качала рѣка.

Но яркое небо—миражъ непонятный,
Но думы печали—обманы минутъ;

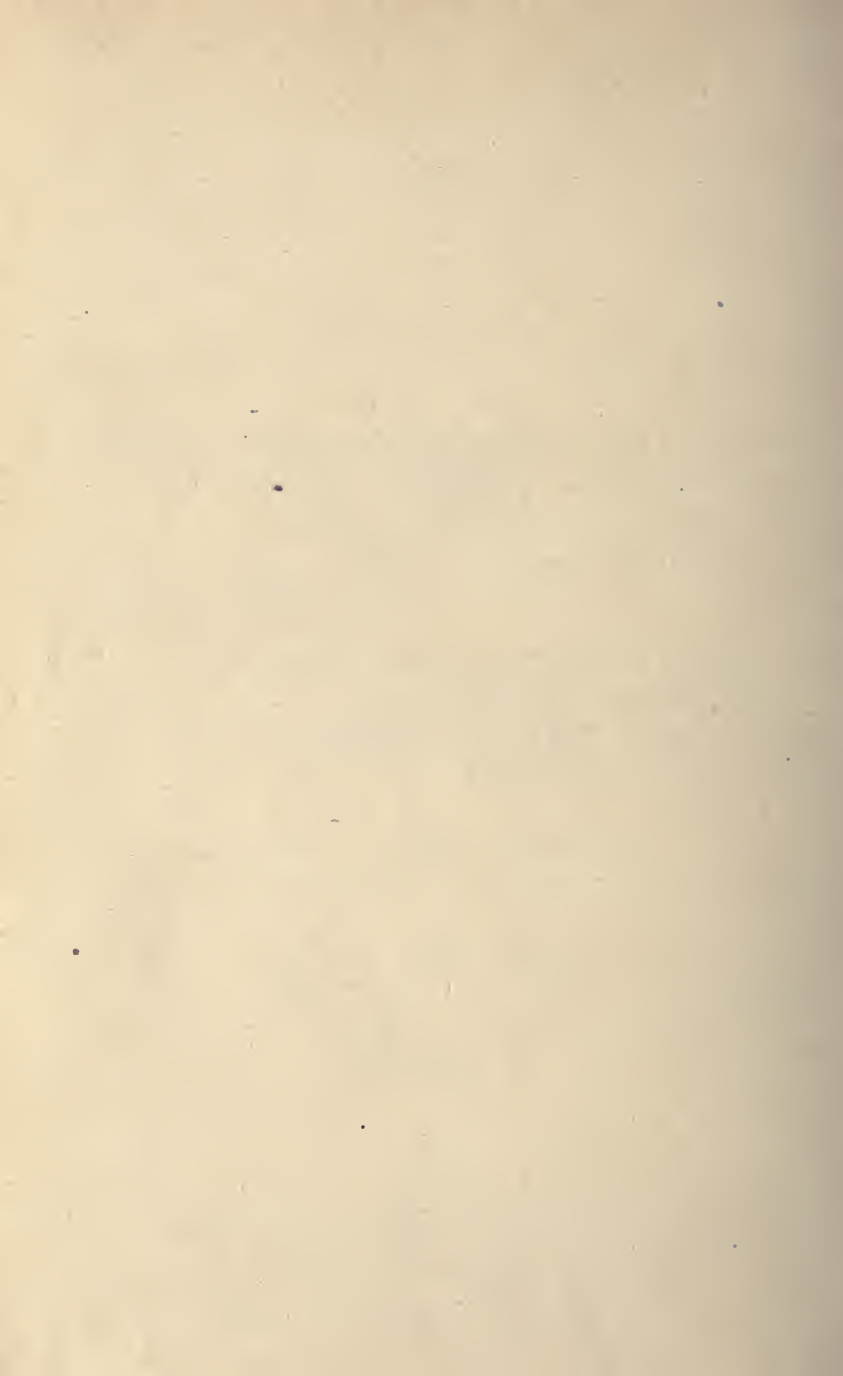
А строгія строфы скользятъ невозвратно,
Скользятъ и не дышатъ,—и вѣчно живутъ.

Едва ли ей было четырнадцать лѣтъ —
Такъ задумчиво гасли линіи бюста.
О, какъ ей не шелъ пунцовый цвѣтъ,
Символь жаднаго чувства.

Альковъ задрожалъ золотой бахромой —
Она задернула длинныя кисти.
О да! ей грезился сводъ голубой
И зеленяя листься.

СКИТАНІЯ.

Создалъ я грезой моею
Міръ идеальной природы;
О, какъ ничтожны предъ ней
Степи, и скалы, и воды.

ВЪ ВАГОНѢ.

1.

Мѣрный шумъ колесъ,
Поле, рядъ березъ,
Много мутныхъ грезъ,
Мчимся, мчимся, мчимся...
Мѣрный шумъ и шумъ,
Сводъ небесъ угрюмъ,
Много мутныхъ думъ,
Дальше! дальше! дальше!

ВЪ ВАГОНѢ.

2.

Мѣсяць блѣдный, словно облако,
Неподвижный, странный лѣсъ,
Тамъ далеко шпиль—и около
Золотой, блестящій крестъ.

Поѣздъ вѣтся быстро, медленно,
Скрылся лѣсъ и нѣтъ креста,—
Но въ лазури тайна мѣсяца
Неизмѣнна и чиста.

Четкія лініі горъ,
Блѣдно невѣрное море...
Гаснетъ восторженный взоръ,
Тонетъ въ безсильномъ просторѣ.

Создалъ я грезой моею
Міръ идеальной природы—
О, какъ ничтожны предъ нею
Степи, и скалы, и воды!

Есть что то позорное въ мощи природы,
Нѣмая вражда къ лучамъ красоты:
Надъ міромъ скаль проносятся годы,
Но вѣченъ только міръ мечты.

Пускай же грозитъ океанъ неизмѣнный,
Пусть гордо спятъ ледяные хребты:
Настанетъ день конца для вселенной,
И вѣченъ только міръ мечты.

ЛЮБОВЬ.

И снова дрожать онъ, грезы безсильныя.
Безсильныя грезы ненужной любви.

И снова дрожать онѣ, грезы безсильныя,
Безсильныя грезы ненужной любви;
Какъ статуи горя, ряды кипарисныя
Задумчиво слушаютъ думы мои;
Съ упрекомъ лаская тростинки росистыя,
О будущемъ горѣ лепечуть ручьи,
А въ сердцѣ дрожать невозможныя, чистыя,
Безсильныя грезы ненужной любви.

Я помню вечеръ, блѣдно скромный,
Цвѣты усталыхъ георгинъ,
И дѣтскій взоръ—онъ мнѣ напомнилъ
Глаза египетскихъ богинь.

Нѣтъ, я не знаю жизни смутной:
Горятъ огни, шумитъ толпа,—
Въ моихъ мечтахъ—Твои минуты,
Твои мемѳисскіе глаза.

Поблѣднѣвшія звѣзды дрожали,
Трепетала листва тополей,
И какъ тихая греза печали,
Ты прошла по завѣтной аллеѣ.

По аллеѣ прошла ты и скрылась...
Я дождался желанной зари,
И туманная грусть озарилась
Серебристою риемой Маріи.

Въ лабиринтъ аллей,
Между скаль и развалинь,
Я тоскую о ней,
Я блуждаю печалень.

Мигъ завѣтный придетъ,
Сердце странно сожмется,
И она промелькнетъ
И она улыбнется.

Въ полуночи аллей,
До луны и до свѣта,
Я мечтаю о ней,
Я томлюсь отъ привѣта.

СВИДАНІЕ.

Мы бродили вдвоемъ и печальны
Между тонкихъ высокихъ стволовъ,
Безпощадныя, яадныя тайны
Насъ томили, томили безъ словъ.
Мы бродили вдвоемъ и печальны
Между тонкихъ высокихъ стволовъ.

Желтоватый, безжизненный мѣсяцъ
На востокъ взошелъ и застылъ,
Міръ тѣней—утомленъ и невеселъ—
Къ отдаленнымъ кустамъ отступилъ.
Желтоватый, безжизненный мѣсяцъ
За стволами взошелъ и застылъ.

Ты хотѣла сказать... Невозможнымъ
Диссонансомъ раздалися слова:
Стебельки закачались тревожно,
Трепеща зашептала трава,
Диссонансомъ больнымъ, невозможнымъ
Въ тишинѣ прозвучали слова.

И опять—набѣгающій сумракъ
Отуманилъ молчанье кругомъ.
Отдаваясь мучительнымъ думамъ,
Мы брели въ полумракѣ лѣсномъ,
И безжизненный мѣсяцъ—угрюмо
Озарялъ насъ съ тобою вдвоемъ.

ВЪЯНЬЕ СМЕРТИ.

(Прошлое).

О, горько умирать, не кончивъ, что хотѣлъ.

И ночи и дни примелькались,
• Какъ дольные тѣни волхву.
Въ безжизненномъ мірѣ живу,
Живыми лишь думы остались.

И нѣтъ никого на землѣ
Съ ласкающимъ, горестнымъ взглядомъ,
Кто бъ въ этой томительной мглѣ
Томился и мучился рядомъ.

Часы неизмѣнно идутъ,
Идутъ и минуты считаютъ...
О, стукъ перекрестныхъ минутъ!
— Такъ медленно гробъ забиваютъ,

ПОСЛѢДНІЯ СЛОВА.

И я, опять пишу послѣднія слова,
Предсмертные стихи, звучащіе уныло...
Опять, опять пишу унылыя слова.

Но не забыто все, что грезилось и было!
Пусть будущаго нѣтъ, пусть завтра не мое,
Но не забыто все, что грезилось и было.

Теперь не жизни жаль, гдѣ я извѣдалъ все:
Я осмѣялъ борьбу, давно отвергнулъ чувства,—
Нѣтъ, мнѣ не жизни жаль, гдѣ я извѣдалъ все.

Но вы, мечты мои! провидѣнья искусства!
Ряды замысленныхъ и не свершенныхъ дѣлъ!
Вы, вы, мечты мои, провидѣнья искусства!

Какъ горько умирать, не кончивъ, что хотѣлъ,
Едва найдя свой путь къ восторгамъ идеала!—
О, горько умирать, не кончивъ, что хотѣлъ...

Такъ много думано, исполнено такъ мало!

Кончено! кончено! я побѣжденъ.

— Смѣйтесь!

Погасъ, погасъ весенній сонъ,

Листья осеннія, вейтесь!

Медленно всходитъ былая луна,

Всходитъ...

Горитъ въ огняхъ, горитъ волна;

Челнокъ опрокинутый бродитъ.

Утромъ наляжетъ на ропотный лѣсъ

Иней,

И все въ крови — укоръ небесъ —

Солнце взойдетъ надъ пустыней.

... Я вернулся на яркую землю,
Межъ людей я туманно брожу,
И шумящему говору внемлю,
И въ горящіе взоры гляжу,

Но за ропотомъ снѣжной мятели,
И подъ шопотъ ласкающихъ словъ—
Не забылъ я полей асфоделей,
Залетейскихъ нѣмыхъ береговъ.

И въ сіяньи земныхъ отраженій
Мнѣ все грезятся—ночью и днемъ—
Проходящія смутныя тѣни,
Озаренныя тусклымъ огнемъ.

ВЪ БОРЬБѢ.

(Прошлое).

Изъ бездны ужасовъ и слезъ
По ступенямъ безвѣстной цѣли
Я восхожу къ дыханью розъ
И блѣдно палевыхъ камелій.

Сумракъ за чернымъ окномъ
Въ полночь тоскливо погасъ.
Сердце овѣяно сномъ
Въ этотъ таинственный часъ.

Смутно больныя мечты
Около длинныхъ гробницъ
Въ склепѣ былой красоты
Пали, простерлися ницъ.

Звукъ заклинающихъ словъ,
Дрогнувъ среди тишины,
Тихо коснулся гробовъ,
Словно улыбка луны.

Въ дѣвственно чистыхъ вѣнцахъ,
Въ бѣломъ сіяньи одеждъ,
Вотъ приподнялись въ гробахъ
Тѣни погибшихъ надеждъ.

Очи глядять на меня,
Руки тревожно дрожатъ...
Сладко предчувствіе дня,
Томень цвѣтовъ ароматъ.

Сердце, зачѣмъ, о зачѣмъ
Ты умираешь во снѣ!
Сумракъ, безстрастенъ и нѣмъ,
Тускло глядится ко мнѣ.

Прохлада утренней весны
Пьянитъ ласкающимъ намекомъ;
О чемъ-то горестно далекомъ
Поютъ осмѣянные сны.

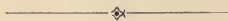
Бреду въ уныньи одинокомъ.

О чемъ-то горестно далекомъ
Поютъ осмѣянные сны,
О чемъ-то чистомъ и высокомъ,
Какъ дуновеніе весны.

Бреду въ молчаніи глубокомъ.

О чемъ-то странномъ и высокомъ,
Какъ приближеніе весны...
Въ душѣ, овѣянной порокомъ,
Встаютъ отвергнутые сны.

Бреду въ молчаньи одинокомъ.

Стаяль снѣгъ... земля, камень,
Облака и облака...
Гдѣ же символъ возрожденья,
Дѣтскій лепеть василька!

Смутно сонный холодъ дышитъ
Вмѣсто вешней теплоты,
И душа моя не слышитъ
Обновляющей мечты.

Изъ бездны ужасовъ и слезъ,
По ступенямъ безвѣстной цѣли,
Я восхожу къ дыханью розъ
И блѣдно палевыхъ камелій.

Мнѣ смутно жаль былого сна
Съ палящей роскошью видѣній;
Опять къ позору искушеній
Душа мечтой увлечена.—

Но умираеть зовъ, всевластный
Въ устахъ художника-волхва.
— Пускай желанья сладострастны,
Покорно холодны слова.

И снова бредешь ты въ толпѣ неизмѣнной,
Исполненъ желаній земныхъ.
Мгновенія тайны, какъ тайна, мгновенны,
И сердце не вспомнить объ нихъ.

Она у окна, утомленно больная,
Глядитъ на блѣднѣющій день;—
И ближе, и ближе—ночная, земная,
Всегда сладострастная тѣнь.

Тайны мрака побѣлѣли;
Неземныя акварели
Прояснились на востокѣ,
Но таинственно далеки
Звѣзды ночи не хотѣли,
Уступивъ лучу денницы,
Опустить свои рѣсницы.

И въ моей душѣ усталой
Брежжитъ день лазурно алый,
Вѣетъ влагой возрожденья,—
Но туманныя сомнѣнья
Нависаютъ, какъ бывало,
И дрожать во мглѣ сознанья
Сладострастныя желанья.

День расцвѣтаетъ, встрѣчая мечту...
Въ сумракѣ дня я молитву прочту.

Мутной зарей озарилось окно...
Господи! сердце тебѣ отдаю.

Женская тѣнь на постели блѣдна...
Нѣтъ! я не знаю недавняго сна!

Это матовымъ вечеромъ мая
Ты такъ горько шепнула „твоя!“,
Что съ тѣхъ поръ я томлюсь, вспоминая,
Что и нынче волнуюсь я.

Съ этихъ поръ я боюсь трепетанья
Предзакатныхъ, манящихъ лучей,
Мнѣ томительны сны и желанья,
Мнѣ мучителенъ сумракъ ночей;

Я одною мечтою волнуемъ:
Умирать, не повѣривъ мечтамъ,
Но предъ смертью припасть, поцѣлуемъ
Къ дорогимъ поблѣднѣвшимъ губамъ.

О плачьте, о плачьте
До радостныхъ слезъ!
— Высоко на мачтѣ
Мелькаеть матросъ.

За гранью страданій
Есть новые дни.
— Надъ моремъ въ туманѣ
Зажглись огни.

Желанья—какъ воды,
Страданье—маякъ...
— Плывутъ пароходы
Въ таинственный мракъ.

Послѣднія думы
О блѣдной землѣ
Собрались, угрюмы,
Въ безжизненной мглѣ.

Какъ грозны фигуры
Скользящихъ тѣней,—
То злые лемуры
Погибшихъ страстей.

Но мысль отгоняетъ
Невольный испугъ;
Меня охраняетъ
Магическій кругъ;

И тайные знаки
Свершая жезломъ,
Стою я во мракѣ
Безстрастнымъ волхвомъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Ex libris	3
Предисловіе къ Me eum esse.	5
Завѣты. I—VIII	9
Видѣнія. I—V.	19
Скитанія. I—IV.	27
Любовь. I—V.	33
Вѣянье смерти. (Прошлое) I—V.	41
Въ борьбѣ. (Прошлое) I—X	49

PG
3453
B7M4

Briūsov, Valerii Īakovlevich
Me eum esse

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY
